

Настасья Бецонис

Ведьмы.

Лабиринты памяти.

18+

Настасья Бецонис
Ведьмы. Лабиринты памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бецонис Н.

Ведьмы. Лабиринты памяти / Н. Бецонис — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Что общего у потомственной ведьмы и медсестры из провинциального городка? На что готова пойти женщина ради своей любви и ещё не рождённого малыша? Какие тайны скрывает старый дом у залива? Все ли средства хороши для достижения цели? Ответы на эти и другие вопросы вы найдете в книге «Ведьмы. Лабиринты памяти»

Содержание

Пролог.	5
Часть 1.	8
Глава 1.1	8
Глава 1.2.	12
Глава 1.3.	16
Глава 1.4.	19
Глава 1.5.	23
Глава 1.6.	25
Глава 1.7.	27
Часть 2.	31
Глава 2.1.	31
Глава 2.2.	33
Глава 2.3.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог.

«Давным-давно на месте нашего дома плескалось море. На берегу его жил древний народ. Однажды, одна маленькая девочка заметила, что, когда у неё хорошее настроение всегда светит солнце, а если она печалилась – на небе тотчас же собирались тучи, дул сильный ветер. Вскоре девочка научилась по своему желанию вызывать и прогонять дождь, усиливать или ослаблять ветер, изменять яркость солнечных лучей. Менять погоду было весело и интересно. Время шло, девушка быстро стала взрослой и повстречала прекрасного юношу. От их любви родилась дочка, которая так же могла менять погоду по своему усмотрению, но кроме этого видела, что от всех предметов и даже от людей исходит их собственный свет. Свет этот у каждого был разный. Дочка этой девушки научилась изменять цвет этого сияния, меняя настроение людей. Через много поколений потомки этих девушек смогли управлять крошечными частицами света, окружающими всё живое, а значит, они могли управлять стихиями, животными и людьми. Могли даже видеть духов леса и тени людей, живших раньше...»

– Мам, они были добрые или злые, эти волшебницы? – девочка, измельчавшая в деревняной ступке крупные семена, подняла взгляд на мать, внимательно слушая рассказ.

– Иногда добрыми, а иногда злыми. Они могли помочь человеку с его бедой, вылечить болезнь, дать совет, но могли и навредить и даже убить, если в том была нужда, – стройная женщина в длинном сером платье поправила белый чепец, подошла к дочери и добавила в ступку горсть сухих мелких ягод, – В жизни всё не так однозначно, верно, Морба?

– Да, мам. Рассказывай дальше. Я люблю эту историю, – девочка вернулась к занятию, поместив ступку между коленок принялась разминать содержимое, осторожно прикрывая свободной ладошкой край, чтобы не просыпать ценную смесь.

– Одной из таких девушек была твоя прабабушка Беллума. К ней часто обращались местные жители за помощью, и она никому не отказывала. Однажды к ней в дом пришел богатый незнакомец. Он со слезами на глазах просил твою прабабушку исцелить его сына, который упал, катаясь на лошади и сильно расшибся. Беллума пошла с незнакомцем. Неподалеку от входа в дом стояли носилки, на которых лежал мальчик. Он был мертв, потому что при падении сломал шею. Беллума сказала об этом незнакомцу, но тот не захотел ничего слушать. Он обвинил бабушку в смерти мальчика, якобы тот был жив, пока они не приехали за помощью, – женщина глубоко вздохнула и продолжила, – Ночью к дому прабабушки Беллумы пришли почти все жители деревни. Они обозвали её ведьмой и велели убираться прочь. Беллума взяла свою дочь – твою бабушку – Лету, которая тогда была совсем малышкой, и они ушли сюда, на этот холм, где мы с тобой и живем теперь, – Фейм улыбнулась дочери, вытерла руки краем фартука и заглянула в окно.

На окрестности опускались сумерки. Ветер осторожно перебирал листья деревьев возле дома и поигрывал с простынями, развешанными для просушки на длинной веревке между двумя столбами. Последние лучи солнца раскрашивали небо причудливыми оттенками оранжевого и красного. «Снова будет холодно, – подумала Фейм, – не к добру».

Последние несколько лет природа словно разгневалась на жителей долины. Рано начинались осенние дожди, со стороны моря налетал ледяной колючий ветер, солнце почти не появлялось на горизонте. Урожаи были скудными. Животных в лесу тоже стало совсем мало. До этого года люди справлялись, перебиваясь рыбалкой и сбором грибов и ягод, но было ясно, что грядущая зима может стать для всех последней.

Отношения с соседями совсем разладились. Прозвище – ведьмы прочно приклеилось к семье отшельниц. Их обвиняли в плохой погоде и неурожае, в том, что куры не несутся, и что расплодились мыши. Несмотря на это многие люди стучались по ночам в небольшое оконце окно в задней части дома. Женщины просили любви и красоты, мужчины – богатства и почета.

У всех время от времени болели животы и зубы, люди падали с деревьев или ранили руки на кухне и в поле. Фейм и её мать – Лета работали не покладая рук, запасая целебные растения, которые потом раздавали больным. Помочь удавалось не всегда. Это так же было причиной недоверия и непонимания между людьми. Не могла Фейм дать людям и любовь. Страсть, увлеченность, интерес пробуждались без труда, а истинное чувство, о котором просили люди было неподвластно ни зельям, ни заклинаниям.

Отец Морбы не был мужем Фейм. Однажды утром она нашла его на берегу моря. Он был сильно изранен и почти умирал. Фейм залечила раны мужчины, поставила его на ноги, а через какое-то время полюбила. Родилась дочь. А однажды утром этот человек пропал, словно его и не было. Иногда Фейм думала, что те счастливые месяцы были лишь сном, и только маленькая Морба была доказательством того, что мужчина и их любовь были на самом деле.

Дождями размыло посевы и семена почти не взошли. Жители деревни обвинили в этом ведьм. Теперь Фейм с тревогой наблюдала, как на небе сгущаются тяжелые тёмные тучи. В отдалении сверкнула молния и вскоре раздался длинный раскат грома. На какое-то мгновение всё стихло. После чего с моря налетел резкий порыв ветра, срывая с веревки простынь. Фейм выбежала во двор и быстро собрала бельё. С неба уже капали тяжелые крупные первые капли дождя. Слепительная молния расколола небо на части, и тотчас же раздался глухой небесный рокот. Девушка плотно закрыла дверь. Морба обеспокоенно подошла к матери:

– Мам, а где бабушка? – спросила девочка.

– Бабушка в маленькой комнате, отдыхает, – Фейм обняла дочку и поцеловала темную макушку. -

Не волнуйся, ребенок, это просто гроза.

Но это была не просто гроза. Черное небо завивалось сизыми воронками. Ураган швырял в окна оторванные ветки деревьев и мелкие камешки. Градины размером с голубиное яйцо сыпались на землю сплошным потоком, добывая остатки вялых ростков пшеницы. Всё смешалось в единую какофонию оглушительного шума.

Внезапно раздался громкий резкий стук в дверь и грубый мужской голос прокричал с улицы:

– Открывайте, ведьмы! Сейчас вы нам за всё ответите! – к первому голосу присоединились ещё несколько. Они проклинали Фейм, её мать и маленькую Морбу. Стук повторился, затем послышались крики и удары, словно кто-то пытался сломать дверь чем-то большим и тяжелым.

Из спальни выбежала встревоженная Лета. Всё ещё красивая женщина с длинными медными кудрями, она была в длинной ночной рубашке, волосы растрепаны после сна, темный вязаный платок, который она набросила на плечи то и дело сползал. В руках она держала горящую свечу.

– Фейм, нужно спрятаться, – напряженно прошептала Лета, сверкая темными глазами.

– Может они покричат и уйдут? – Фейм прижалась спиной к двери, сотрясаемой сильными ударами.

– Не будь душой, дочь, жители деревни в ярости. Нам всем грозит смертельная опасность, – Лета дернула на себя внучку и подтолкнула ту к задней двери, – Боюсь представить, что они сделают с нами, если доберутся.

– Мы столько для них сделали! – дрожащим голосом ответила Фейм.

– И вот их благодарность. Люди – злые, глупые невежды, – Лета набросила внучке на плечи серый дорожный плащ с капюшоном и сунула в ручки кошель со скудными семейными сбережениями.

– Куда же нам идти? – Фейм с тревогой заглянула в окошко, – Этот дом – всё, что у нас есть.

Внезапно она отшатнулась, окно разлетелось на мелкие осколки и в комнатку вместе с запахом грозы влетел зажженный факел.

– Правильно, поджигай эту халупу! – послышался с улицы восторженный рев – Задай им! Пусть знают!

Вскрикнув, Фейм стащила со стола скатерть и принялась тушить ею огонь, занявшийся на полу. Морба плакала, прижимаясь к бабушке. Лета смертельно побледнела. На её лице появилась выражение мрачной решимости. Она оттолкнула внучку и быстро подошла к дочери, крепко взяв ту за плечи, быстро заговорила:

– Послушай меня, Фейм, вы должны уйти. Я останусь здесь, – она резко встряхнула, пытавшуюся возразить дочь, – Эти звери пришли сюда с намерением убить, они хотят истребить всю нашу семью, а вы должны выжить.

– Но мама... – прошептала Фейм, она прижала к губам ладонь, сдерживая слезы.

– Помнишь, когда мы трое вставали в круг и брались за руки, чтобы призвать дождь или поговорить с духами, сила наша многократно увеличивалась? Роди ещё детей. Научи их всему, что умеешь. Морба – умная девочка, она тебе поможет. Не доверяйте людям, помогайте, но не позволяйте собой управлять или садиться на шею. Играйте на человеческих слабостях. Дай детям особые тайные имена, отражающие их сущность. Никогда не забывайте кто вы – Лета вытолкала обезумевших от ужаса дочь и внучку на задний двор, выходящий в лес.

Дверь слетела с петель, пропуская в помещение толпу разъяренных жителей деревни, вооруженных факелами и палками. Они схватили женщину и потащили из дома. Фейм упиралась и кричала, то умоляя палачей одуматься, то проклиная их, суля страшные страдания и муки. Сорвав чудом уцелевшую в урагане бельевую веревку мужчины привязали Фейм к одному из столбов.

– Поджарьте ведьму! – кричала женщина, мать троих детей, двое из которых пришли в мир благодаря Фейм.

– Нам нечего жрать из-за вашего колдовства! – вторил её муж, – Сожжем эту гору ведьм!

Быстро собрали кучу хвороста и поленьев. Кто-то бросил факел. Огонь занимался едва-едва, ветер тушил отдельные язычки пламени, подбиравшиеся к ногам женщины. Внезапно Фейм словно что-то увидела вдалеке. Она закричала что есть силы:

– Круг из тринадцати ведьм даст наибольшую силу, в тот час, когда она будет нужна! Вы поймете, когда придет время! Двенадцать ведьм и тринадцатая – ключ ко всему. Она родится под знаком змееносца, в первый день зимы года великого бедствия, – женщина обессиленно обмякла в путах, затем подняла к небу лицо и тихо проговорила:

– Небо, молнией закаленной, уведи меня неопалённой.

В тот же миг огромный ветвистый разряд ударил прямо в столб, превращая женщину в горсть пепла. Люди в оцепенении стояли вокруг ненужного костра, который нехотя стал разгораться. Никто не заметил, как от тлеющего домика отделились две тонкие фигурки, завернутые в серые плащи, и бесшумно исчезли в зарослях леса.

Буря утихла утром. Все растения, посаженные весной, погибли. Вместе с первым снегом в деревню пришел голод, а за ним страшная болезнь, выкосившая почти всех жителей.

Часть 1.

Глава 1.1

10.03.1986

Утро было промозглым и хмурым. Серые тучи угрожающе нависли над поселком, размышляя, выпасть на землю мокрым весенним снегопадом или ненадолго разойтись, уступив место бледным невесомым солнечным лучам. В комнате было тихо. У высокого окна, с рядными белыми шторами, стояла молодая девушка, облаченная в белый пушистый банный халат. Аккуратно подведенные голубые глаза недовольно смотрели на улицу, изучая ломаные линии голых ветвей деревьев, грязные мартовские сугробы и разбитую машинами глубокую дорожную колею. Темные волосы девушки были накручены на крупные бигуди, причиняя неприятные ощущения. Люмена осторожно почесала затылок, высвобождая несколько тонких волосков. Сразу стало легче. Она улыбнулась и, едва шевеля губами, произнесла несколько слов, после чего провела рукой по лицу, ото лба до подбородка и тихонько подула на ладонь. Туча нехотя поползла прочь. Стало светлее. Люмена услышала, как открывается дверь и обернулась, чтобы поприветствовать мать:

– Доброе утро, мам! – улыбнулась девушка.

– Привет, ребенок. Давно не спишь? – Оглядев дочь, Ира прошла к шкафу, и сняла с дверцы висевшее там светлое платье цвета слоновой кости.

Это был подлинный шедевр швейного мастерства. Тяжелый шелк с набивным узором красиво переливался на свету, прямой лиф без декора был строг, но вместе с тем создавал ощущение невинности и удивительной нежности, по талии шла тонкая полоска пояса, широкая юбка пышным колоколом красиво опускалась до пола, низ платья был обшит золотистым кружевом. На соседних плечиках покоилась пара белых перчаток длиной до локтя, а также чулки с широкими кружевными резинками, по задней части каждого чулка шла тонкая линия шва. Полагалось, что эту пикантную деталь увидит только жених, когда станет мужем. Ира поднесла наряд дочери.

– Красота какая, – похвалила Люмена, проводя рукой по кружеву резинки.

– Твоя тётя Аварития постаралась на славу! – ответила мать, – Представить не могу, где она откопала эту ткань, – Ира рассматривала причудливый рисунок, осторожно поворачивая ткань на свету.

– Это весьма в её духе, – согласилась Люмена, – Тётя своего не упустит. Одни чулки чего стоят! Вот Андриус удивится!

– Точнее, с ума сойдет от восторга! Он так тебя любит! Давай собираться? – Ира отложила наряд на кресло и подвела дочь к широкому трюмо, стоявшему напротив шкафа, – Давай, я тебя причешу, – Женщина зажгла в комнате верхний свет и начала осторожно высвобождать волосы Люмены от бигуди.

– Хорошо, что не стали парикмахера приглашать, – улыбнулась Люмена, наслаждаясь прикосновениями материнских рук, – Мне никак не забыть, что с нашей Аваритией на прошлый Новый Год чуть не сделали.

Модный парикмахер тогда превратил густые пышные волосы сестры в прилизанное нечто, сбоку украшенное серебряной розой. Против розы Аварития ничего не имела, но остальное... Пришлось срочно исправлять ситуацию подручными средствами. Ира улыбнулась, вспомнив, этот забавный случай.

Сегодня Ира была одета в платье бронзового цвета длиной до колена, подчеркивающее стройную фигуру, глубокий вырез открывал длинную шею и нежное декольте. Светлые волосы

были уложены в высокую замысловатую прическу. На ногах перед выходом из дома должны появиться бархатные лодочки темно оливкового цвета на устрашающе тонкой шпильке. Считалось не совсем правильным сочетать эти цвета в наряде, но Ира, как и другие женщины семейства Литорайте предпочитала сама устанавливать правила. Редко что могло поколебать её уверенность в себе. Она ловко подхватывала кудрявые пряди дочери, умелыми движениями убирая их от лица наверх.

Люмена задумчиво молчала. Ещё полгода назад, она даже не знала Андриуса, а сегодня день её свадьбы. Кажется, только вчера они впервые встретились во время празднования Дня Всех Святых. Такие сборища не приветствовались в институте, но кто и когда мог запретить студентам веселиться? На эту вечеринку девушку затащила двоюродная сестра – Морба, или Марина, как они звали её чаще всего. Девушкам пришлось довольно долго ехать на машине и много раз сверяться с картой, прежде, чем они попали в нужное место. Это была небольшая поляна возле залива, огороженная густо растущими елями и соснами. В воздухе вкусно пахло хвоей и морем. В центре поляны горело несколько костров. Сбоку были установлены лотки с едой. Возле открытого багажника небольшого грузовичка стояли парень и девушка, они наливали желающим напитки, в основном красное вино неизвестного происхождения. Людей было довольно много, но создавалось впечатление, что все друг с другом давно знакомы. Звучала музыка, то и дело раздавался громкий девичий смех. Марина сразу ушла искать мужа, который тоже был здесь. Эта сладкая парочка могла танцевать до изнеможения, что с удовольствием и прodelывала всякий раз, когда появлялась возможность. Люмена попросила себе стаканчик вина и устроилась на поваленном бревне старого дуба неподалеку от крайнего костра. Она любила наблюдать за пляшущими язычками пламени. В этом танце первобытной стихии можно было найти ответы на любые вопросы, если всматриваться достаточно долго. Людей пугает огонь, ведь по прошествии многих веков эволюции, они так и не научились ему противостоять. Конечно, теперь есть и печи, и двигатели, и многие другие достижения науки и техники, но люди по-прежнему бессильны перед ежегодными лесными пожарами, сжирающими огромные пространства, их повергают в ужас сообщения о проснувшихся вулканах, облизывающих землю языками раскаленной лавы. От этого можно только бежать без оглядки, в спешке похватав самое необходимое.

Откуда-то сбоку вынырнул очень высокий стройный парень в джинсах и кожаной куртке. Из-под куртки виднелась белоснежная майка, а на ногах у подошедшего красовались модные кеды на белой подошве.

– Чего скучаешь? – голос был низкий, густой и обволакивал как смола.

– Просто осматриваюсь, – Люмена приняла независимый вид, незаметно приглядываясь к парню.

У него было необыкновенно гармоничное лицо: темные, коротко стриженные волосы, темные глаза под ровно очерченными густыми бровями – мечта каждой модницы, аккуратный нос, полные крупные губы. Картинка, а не парень! Между тем, идеальность каждой отдельной черты не создавали ощущения искусственности, но только добавляли очарования. Очень длинные руки и ноги, что не удивительно для человека такого высокого роста, но уверенность и ловкость, с которой он управлялся с этими конечностями, говорили о том, что спорт этому парню не чужд.

– Я – Андриус – представился парень. Он уселся рядом, заметив, что Люмене приходится высоко запрокидывать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

– Люмена, – представилась девушка, протягивая для рукопожатия ладошку, которую предварительно на всякий случай вытерла об джинсы. Она была очень довольна, что по совету сестры надела новый голубой свитер, который очень шел к её волосам и подчеркивал цвет глаз, хотя в сумерках это вряд ли было заметно. Волосы лучше бы расплести, конечно, балетный пучок хорош для леса, но не для флирта с симпатичным парнем.

– Да я знаю, – вдруг кивнул он, – Вы с Маришкой приехали.

Люмена вопросительно подняла левую бровь, одновременно делая глоток вина, а собеседник пояснил, что приехал с Эдгаром – мужем Морбы, а теперь пришел за Люменой, чтобы позвать к остальным.

Они ещё немного посидели, болтая о том о сем, вспоминая смешные случаи из студенческой жизни, и зачем-то обсуждая планы на будущее. Люмена заметила, что Андриус осторожно пытается выяснить, есть ли у неё кавалер, и словно случайно, проговорила, что никем не увлечена всерьез, хотя и не страдает от недостатка поклонников. Такой ответ Андриусу явно понравился, он заметно расслабился и заулыбался.

Откуда-то звучали песни известного зарубежного певца. Все самозабвенно изображали зомби и оборотней, повторяя движения, заученные по записям с выступлений артиста. А ведь совсем скоро эти дикари станут высококлассными специалистами, гордостью и опорой отечественной промышленности и медицины. Солировали, конечно же, Маришка с мужем. В этом было что-то захватывающе-бунтарское: заграничная музыка, танцы, ночь, древний языческий праздник. Люмена не выдержала и рассмеялась, отставляя в сторону пустой стаканчик и поднимаясь на ноги. Андриус молча взял девушку за руку и повел к танцующим. Она не сопротивлялась, потому что тоже очень любила и танцевать, и петь. Андриус оказался великолепным танцором, он ловко подхватывал и отпускал Люмену, уверенно вел её в танце, ни разу не сбившись со сложного ритма, при этом успевал корчить уморительные рожи и сам над ними заразительно смеялся. Праздник прошел в теплой дружеской обстановке. Они много танцевали, потом сидели на бревнах и играли в «кродила»: водящий должен был без слов изобразить животное, предмет или природное явление, а остальные пытались угадать, что же это. Молния в исполнении Андриуса была бесподобна, все смеялись до слез и специально делали вид, что не понимают, о чем речь, хоть на самом деле давно уже догадались. Под утро Андриус вызвался проводить Люмену домой и, конечно, поцеловал на прощание.

На следующий день они встретились снова, а потом ещё раз и ещё. Им было легко вместе. Не было обычного для других пар периода узнавания и «притирки», не было серьезных ссор и недопонимания. Люмена и Андриус разом вросли друг в друга, как будто так и было кем-то задумано. Всего через пару месяцев после знакомства они решили пожениться.

Девушка улыбнулась, словно впервые увидев себя в зеркале.

– Ну что, надумалась? – весело спросила мать, с улыбкой глядя на дочь.

– Ага, я тут, – ответила Люмена и развернулась в кресле. Ира подала чулки, которые девушка осторожно натянула сначала на правую, а затем на левую ногу. Её тетка Аварития – Рита – работала директором магазина дамского белья и могла достать что угодно, взамен на тончайшие кружевные трусики или бюстик ручной работы, но злоупотреблять её возможностями не стоило. С родственниками прижимистая Рита была ненамного щедрее.

Из прихожей послышался шорох и через пару мгновений в комнату вплыла высоченная дама с всклокоченной копной рыжих волос, вьющихся мелким бесом. Неопикуемой красоты брючный костюм павлиньего окраса плотно обтягивал солидные телеса, мощное декольте украшало ожерелье из сапфиров, оправленных в золото, в ушах болтались такие же серьги, оттягивая мочки. Мало кто знал, что драгоценности не были подделкой. В руках Аварития несла большой сверток:

– Привет девчонки! – она прошла до окна и широко раздвинула шторы, затем шелкнула выключателем, – Белый день, нечего свет жечь, – Люмена и Ира понимающе улыбнулись. Девушка встала, чтобы обнять родственницу.

Аварития отстранилась и внимательно осмотрела девушку с головы до ног:

– Чулочки нацепила уже? Бесстыжая, – Аварития сокрушенно покачала головой, и тут же оглушительно захохотала, – Будешь у нас при полном параде Люмена Джуозасовна! – С

этими словами она жестом фокусника достала из свертка короткий песцовый полушубок из белого меха, – На-ка! – она протянула вещь девушке, но тут же отдернула, – Подожди, давай платье сначала.

При помощи матери и тетки Люмена осторожно облачилась в свадебный наряд. Платье сидело великолепно, юбка опускалась широким колоколом, закрывая короткие сапожки с острыми носками. Каштановые кудри нежно опускались на плечи. Шею девушки украшала тонкая цепочка с небольшим золотым кулоном, в ушах скромно поблескивали золотые капельки. Белые перчатки придавали наряду особенный царственный вид. Поверх этого великолепия девушка накинула белоснежный полушубок.

– Мам, а перчатки снимать на регистрации? – Люмена заметно разволновалась

– Да, Ацедия сказала, что приведет малышку Лету, она принесет кольца и подержит твои перчатки, – Ира поправила небольшую диадему, поддерживающую прическу дочери, и отступила на шаг назад, любясь полученным результатом, – Ты красавица, дочка!

– Ну что, на выход? – пророкотала Аварития.

Женщины гуськом направились в прихожую. Возглавляла процессию Люмена, за ней, то и дело запуская пальцы в прическу, следовала Аварития, Ира чинно замыкала процессию.

Девушка взялась за ручку двери, собираясь распахнуть, но озадаченно замерла на пороге. Заперто.

Глава 1.2.

Люмена обернулась к ожидающим родственницам:

– А кто дверь-то захлопнул?

Загадочно улыбаясь Аварития подала сложенный альбомный листок, сложенный вчетверо. Девушка нетерпеливо развернула послание:

«Ключ лежит недалеко, отыскать его легко! Ты, невеста, не зевай, а подсказки собирай! Первый шаг – совсем легко, выпей в кухне молоко»

Такие разминки для ума очень нравились всем членам семьи. Подхватив подол платья Люмена кинулась к холодильнику. На полках плотным строем располагались салатницы, поверх них тарелки с нарезками и другие плоские миски. Вчера в квартире был шумный девичник, после которого осталось много угощений. Внимательно оглядев запасы, Люмена заметила в самом углу на стенке кем-то заботливо оставленный стаканчик молока. Вчера его не было, да и кто хранит молоко в стакане? Бутылки же есть! Девушка достала стаканчик и внимательно осмотрела со всех сторон, на дне был кем-то тщательно приклеен квадратный кусочек картонки. Поверхность его была неровной, Люмена догадалась, что с другой стороны была надпись, но, чтобы увидеть её было необходимо осушить стакан, синий картон был плотным и непрозрачным.

– Мам, молочка хочешь? – предложила Люмена подошедшей Ире, но та ожидаемо отказалась, хитро подмигнув дочери.

Люмена глубоко вздохнула и залпом выпила всё молоко, к счастью, это был один из любимых её напитков. В нетерпении заглянула внутрь: на дне стакана была нарисована пирамидка и рядом кораблик. Судя по качеству небольшой картинки, постаралась скорее всего одна из сестер.

Ира и Аварития тоже с любопытством разглядывали дно стакана, вид у обеих был озадаченный.

– Вы знаете отгадки? – спросила Люмена, подозрительно оглядывая родственниц.

В ответ женщины покачали головой. Ира почесала затылок, поправляя прическу и переступила с ноги на ногу

– Я знала, что будет игра с поиском, но только дверь захлопнула, – наконец призналась Аварития, – Когда я пришла, ключа уже не было.

Они ещё раз внимательно изучили рисунок. Ира попробовала оторвать картонку от стакана, но быстро сдалась, не хотела портить маникюр. Аварития достала откуда-то листок бумаги и ручку и пристроилась за краешек стола, – приготовилась записывать варианты решения следующей задачки. Они весело подшучивали друг над другом, перебирая версию за версией, Люмена сняла перчатки и осторожно ходила по квартире, стараясь не задевать широкой юбкой мебель, и внимательно оглядывалась по сторонам, в надежде увидеть подсказку. Из радиоприемника тихонько мурлыкала песня. Внезапно Аварития вскочила на ноги и прибавила звук:

«Учкудук, три колодца, защиты, защиты нас от солнца...»

– Ага! – хором воскликнули женщины, – Корабли пустыни! Верблюжка!

Они наперегонки пробежали в спальню. Кровать была застелена красивым пледом светло-коричневого цвета. Его привез Марк из какой-то заграничной поездки и подарил Люмене на прошедший День Рождения. Девушка в нетерпении откинула покрывало, на подушке лежала красивая открытка, в ней чьей-то уверенной рукой витиеватыми буквами было начертано: «Ключ от дома спрятан твой, в темном месте под водой, соберись-ка, поспедай, и любимого встречай»

– Я не поняла, если мы сами не выйдем, опоздаем на регистрацию что ли? – рассмеялась Люмена, как всегда она по-настоящему увлеклась игрой, несмотря на то, что боялась просидеть взаперти. Новая загадка была очень интересной, хотя и очень сложной.

К её огорчению, быстро справиться с загадкой не удалось. Женщины бесцельно блуждали из комнаты в комнату, заглядывая во все темные углы. Воды там не было, мокрые участки напротив были хорошо освещены. Люмена стала раздражаться, что часто бывало с ней, когда не удавалось выйти из сложной ситуации сразу и с блеском.

С улицы раздался сигнал подъехавшего автомобиля. Люмена выскочила на балкон. Из небольшой красненькой машинки вылез Эдгар. Он обежал машинку вокруг и открыл пассажирскую дверь заднего сиденья. Оттуда показалась бесконечная женская ножка, обутая в черную туфельку на устрашающей шпильке. Через мгновение рядом с первой ножкой появилась и вторая, а затем из салона автомобиля, опираясь на руку мужа неторопливо вытекла вся Морба. Она любила эффектные появления и не упускала возможности поиграть на публику. Девушка была одета в облегающее черное платье из струящегося шелка, по подолу отделанное черным же лебяжьим пухом. Тонкие бретельки делали наряд отдаленно напоминающим ночную сорочку, только меховое манто небрежно накинутое на плечи позволяло девушке выглядеть прилично. Темные блестящие волосы свободно опускались ей на спину. В отличие от неё Эдгар, который тоже носил длинные волосы сегодня заплел аккуратную косу и даже перевязал кончик тонкой черной лентой. Получилось очень стильно. На нем был строгий черный костюм с атласным блестящим жилетом. Эта пара как всегда произвела впечатление своим появлением.

Но Люмена смотрела не на них. Она с любовью пожирала глазами Андриуса, показавшегося из машины вслед за её сестрой. Жених смотрелся сногшибательно в костюме-тройке светлого бежевого цвета, нежно – оливковый жилет подчеркивал цвет глаз. Темные волосы Андриуса были скорее всего аккуратно подстрижены накануне, но на лоб уже упал непокорный локон, доставлявший мужчине много огорчений. По крайней мере Андриус так говорил, но делать другую стрижку он почему-то отказывался, предпочитая время от времени откидывать со лба челку красивым киношным жестом.

Компания зашла в подъезд весело о чем-то переговариваясь. Люмена перебежала в прихожую, за ней подтянулись мать и тетка. Они услышали, как по лестнице протопали шаги, после чего в замке завожился ключ.

- Слава Богу! – воскликнула Люмена, бросаясь навстречу мужу.
- Думала, я не приду? – пошутил Андриус, целуя её в губы.
- Еле добрались! – доложил Эдгар, появляясь из-за спины друга.

Морба впорхнула следом, поцеловала теток в щеки и уже поправляла перед зеркалом помаду. В не слишком просторной прихожей было тесно, и вся компания переместилась обратно в комнату.

Андриус рассказал, что и для него родственники заставили пройти ряд испытаний, прежде, чем отпустили к невесте. Это не было похоже на обычный выкуп, скорее на загадки, подобные которым решала и Люмена. Ему пришлось добежать до ближайшего магазина, где его ждало послание, спрятанное среди бутылок с вином. Все бутылки смотрелись одинаково, а смешливая продавщица не разрешала оторвать этикетку, пока за вино не рассчитаются.

- Теперь у нас этим вином весь багажник завален, – вставил комментарий Эдгар.

Со следующим заданием справились быстро – нашли скучающую в кафе Маришку. Больше всего времени отняло последнее испытание. Следуя подсказке, они пришли на детскую площадку. В стороне от песочниц на столе был установлен странный агрегат, состоящий из большого кувшина с длинным узким горлышком и широким основанием, сбоку в кувшине было проделано отверстие наподобие половинки воронки. Заглянув внутрь Морба сообщила, что на дне скорее всего и есть ключ. Его краешек виднелся из-за стоявшей под наклоном

пробки. Рядом стояла канистра с водой, но её заметили далеко не сразу. Все по очереди пытались запустить пальцы в узкое горлышко и в отверстие сбоку, сооружали подобие крючка из подручных материалов, наконец трясли злополучный кувшин. Всё было тщетно. Почти отчаявшись наконец-то заметили подсказку – на столе мелом, кто-то заботливо нарисовал стрелочку, указывающую на оставленную воду. Поругав себя за тугоумие стали осторожно лить воду в кувшине. Пробка поползла вверх, но вскоре вода начала потихоньку выливаться из бокового отверстия. Андриус чертыхнулся, но способ пробовали ещё несколько раз, пока не стало ясно, что скоро кончится и вода.

– Жалко, что у вас пробки нет, – посетовал проходивший мимо местный алкоголик Витя, уже несколько минут внимательно наблюдавший за странным экспериментом.

На него посмотрели дикими глазами, после чего Эдгар принялся затыкать боковое отверстие кувшина носовым платком, крепко прижимая ладони. Дело пошло на лад и вскоре на ладони у Андриуса уже блестел мокрый желтенький ключ. Помощник Витя получил в подарок бутылку отличного красного вина за идею.

Напоследок чуть не уехали за невестой на дачу, но быстро опомнились и развернули машину.

Люмена и Ира от души посмеялись над этим рассказом, в то время как Аварития продолжала прикидывать, сколько же денег ушло на вино, и нельзя ли отказаться от части заказанного в ресторане, но потом махнула рукой. Праздник всё-таки!

Женщины взглянули напоследок в зеркало, и все направились к автомобилям, припаркованным около подъезда. Ира и Андриус поехали с Эдгаром, Морба и Люмена с Аваритией, тоже прибывшей на машине. Почему-то считалось, что невеста и жених не должны прибывать в загс вместе.

Гости уже поджидали на ступенях красивого зала для регистрации. Церемония прошла быстро, как просили молодые. Слова, сказанные сотрудницей загса, лучились добротой и сердечностью.

– Профессионал, – тихонько прошептала Аварития, смахивая набежавшую слезу.

Свадьба прошла весело и легко. Несмотря на то, что пригласили только родственников, было оченьлюдно, ведь и у жениха, и у невесты были большие семьи. Специально приглашенный фотограф сделал множество снимков, пообещав, что они будут готовы не позже, чем через месяц. За отдельную плату в ателье, где он работал можно было заказать красивый альбом. Было не принято делать много фотографий, но Люмене уж очень хотелось запечатлеть этот счастливый день, и Андриус не мог отказать любимой.

После регистрации приехали в ресторан. Молодых и их родственников ждал нарядно украшенный зал. Вопреки моде накрыли несколько небольших столиков вместо одного, за котором сидели бы все. Столы ломились от яств, повара постарались на славу, угодив каждому из приглашенных. Хрустящие салаты радовали свежестью, лоснились колбасные и сырные нарезки, источали божественный аромат соленья. Позже предложили закуски посерьезнее: сложные салаты с мясом и курицей, жульены в кругленьких кокотницах и запеченные овощи. Из напитков на этот раз предпочли колючее ледяное шампанское и разные вина, мужчины тянули ароматный миндальный коньяк и ослабляли ремни, в ожидании горячих блюд.

Играла музыка. Велась оживленная беседа. Гости шумно хвалили будущую хозяйку, не забывая так же сказать доброе слово и о её старших родственниках, на плечи которых вне всякого сомнения и легли основные хлопоты по подготовке торжества.

Во время первого танца молодых, Ира и мать Андриуса – Анна, не сговариваясь незаметно взяли за руки. Они не могли сдерживать слез, наблюдая за кружащейся в вальсе парой, и поддерживали друг друга, словно говоря о том, что это не ребенок уходит из семьи, а наоборот, дерево прирастает новыми ветвям, от которых вскоре вырастут свежие побеги. Это был един-

ственный трогательный момент вечера. Все собрались повеселиться и с азартом исполняли задуманное, чему Люмена и Андриус были очень рады.

Приглашенный ведущий направлял праздник как опытный гондольер свою нарядную лодку. Молодые попросили его обойтись без конкурсов и криков «Горько!», и он выполнил все пожелания. Вместо конкурсов гости пели песни, одно за другим следовали поздравления. Стихийно организовался конкурс на лучшего танцора, который, к удивлению, выиграл новоиспеченный свекор Люмены – Томас, исполнявший такие сложные па, что остальные диву давались.

На столе, установленном в отдалении от других росла гора подарков. Был бесспорный плюс в тесном родственном торжестве: Аварития не поленилась заранее составить список необходимого молодым, а затем планомерно обошла всех приглашенных и каждому поручила приобрести ту или иную вещь. Но не обошлось и без сюрпризов: Отец жениха под аплодисменты достал из кармана ключи от новенькой машины – подарка жениху и невесте.

Вечер плавно подходил к концу. Торжественно вынесли праздничный торт: трёхъярусное шоколадное произведение искусства, украшенное фигурками жениха и невесты, сделанными из марципана. Каждый из приглашенных получил свой кусочек угощения, заботливо отрезанный ручкой Люмены

Жених выглядел расслабленным и довольным. В его глазах, то и дело обращавшихся к невесте ясно читалась искренняя любовь и желание. Андриус считал часы, оставшиеся до момента, когда можно будет уединиться с невестой.

Глава 1.3.

Наконец за молодыми хлопнула дверь дорогого номера гостиницы, специально снятого для этой ночи. Люмена удивленно приподняла брови, заметив диковинную планировку. Дверь находилась по центру. Само пространство номера было поделено на две части широкой перегородкой, высотой около метра. Сверху стояло три цветочных горшка с какими-то невиданными растениями, напоминающими экзотические пальмы. Дойдя до противоположной стены можно было увидеть три низенькие ступеньки, которые вели за перегородку, где вольготно раскинулось необъятное поле кровати. Вместо классического парчового покрывала брачное ложе застелили белым меховым одеялом, разбросав поверх несколько белых же подушек. Люмена даже зажмурилась от удовольствия, представив, как хорошо им в Андриусом будет на такой перине.

Вторая половина комнаты была оборудована под зону гостиной. В дальнем углу хмурился темным экраном маленький телевизор, украшенный сверху двурогой антенной на светлой подставке. У стены примостился низкий разлапистый диванчик. На низком столике в центре в ведерке со льдом остывала бутылка красного вина. Люмена не любила шампанское и никогда его не пила, если была возможность выбрать что-то другое. Рядом с ведерком было блюдо с сырной нарезкой, украшенное орешками и круглой плосечкой с медом.

– Устала? – раздался в тишине голос мужа, – Хочешь вина? – Андриус подцепил со столика орешек, обмакнул в мёд и весело захрустел, поглядывая на жену.

Люмена молча покачала головой, снимая одну за другой перчатки и складывая их на столик у зеркала в прихожей. Она прошла в комнату, посмотрела на мужа, улыбнулась и сказала всего одно слово:

– Потом.

Она стояла перед ним гордо выпрямившись. Пальцы Люмены казалось только дотронулись до ряда крючков на спине, но одеяние было расстегнуто. Грудь, едва прикрытые белым кружевом, мелькнули перед Андриусом, и она отвернулась. Потом мучительно медленно сползло на пол шелковое платье, открывая спину и совершенные бедра.

– Может быть сначала поцелуешь меня, муженек? – Обернувшись через плечо спросила Люмена хитро улыбаясь. Она выступила из пены ткани и кружев будто новорожденная богиня.

Андриус восхищенно смотрел на жену, словно видел впервые. Волосы, всё еще уложенные в причёску спускались на обнаженные плечи крупными кольцами. Маленькая упругая грудь дерзко выглядывала из кружев бюстгальтера, плоский живот легонько подрагивал от волнения, стройные бедра и длинные ноги, затянутые тонким нейлоном, казалось действительно принадлежали неземному существу, туфельки на высоких каблуках добавляли пикантности образу

– С ума сойти, – только и смог произнести Андриус, – Я тебе помогу.

Он шагнул к жене и протянул руку в её лицу. Нежно погладил. Она покраснела и прижалась щекой к его ладони. Андриус обнял жену и нежно прижался губами к её рту, найдя язык, осторожно ласкал его своим, а затем спускаясь ниже к длинной стройной шее. Уверенные пальцы расстегнули миниатюрные застёжки лифчика, одна рука крепко сжала талию, другая нашла крепкую грудь и принялась ее ласкать, рот потянулся к твердым бутонам ее сосков. Он завладел ее губами и целовал до тех пор, пока она протестующе не дернулась. В ответ он, словно драгоценность, взял ее на руки и понес к кровати. Люмена нетерпеливо отбросила в сторону его смятый галстук, потом дрожащими от страсти руками сняла с мужа рубашку. Вместе освободили Андриуса от ставших тесными брюк.

Меховое покрывало ласково окутало их тела, погружая в свою мягкую колыбель. Свет от небольшого настенного бра создавал причудливые тени, окрашивая их сплетенные тела золотом.

Андриус встал на колени около девушки, медленно один за другим стянул чулки, взял правую стопу и принялся целовать – каждый палец в отдельности, затем губы двинулись вверх по ноге, лодыжка, икра, ямка под коленом, бедро. И опять вниз, но уже по левой ноге. Ее тело, как неизведанная земля, и он каждый раз стремится открыть каждый ее уголок. Как гибка ее талия! Он провел щекой по ее изгибу и почувствовал шелковистость кожи.

– Я люблю тебя, Андриус, – внезапно произнесла Люмена, глядя мужу прямо в глаза и поцеловала твердые губы. – Я люблю тебя. – И снова поцеловала мужа, прижалась к нему. Не устояв, он нагнулся и взял губами ее соски словно диковинное лакомство, потом спустился к ямке пупка, а она рванулась к нему всем телом. Но он двигался все ниже и ниже, к самому заветному месту, освобождая жену от остатков ненужной одежды. Она вскрикнула от удовольствия, почувствовав его язык, пальцами впиалась в его черные волосы, а он продолжал сладостно и невыносимо мучить ее, и Люмена удивлялась, что еще не рассыпалась на тысячу кусочков – так велико было на этот раз ее возбуждение. Они уже были близки, но этот раз был особенным. Андриус с великой нежностью поцеловал внутреннюю часть ее бедер, лег сверху и овладел женой. Вскрикнув от наслаждения, она обвила его ногами, подлаживаясь к ритму мужа. Люмена была наверху блаженства. Андриус переполнял ее всю, добираясь до самых глубин, потом почти покидал ее тело, и все повторялось снова. На какой-то миг Люмена решила, что ее плоть разорвется, но тело раздалось и приняло его внутрь, жадно и неистово. Она впиалась в его спину ногтями, но он перехватил ее руки и прижал за головой.

Он испытывал такое же наслаждение, но наконец, обессилив, оставил ее. Несколько мгновений Андриус не мог говорить и только смотрел на жену.

– Я хочу ребенка, Андриус.

Он улыбнулся ей в темноте. Ее слова служили еще одним доказательством любви.

– Значит, придется постараться как следует.

Искусно и медленно он вновь вошел в нее, не отрывая взгляда от прекрасных голубых глаз, и в них, точно в зеркале, видел все, что она чувствовала: отступал – и ее глаза растерянно молили о любви, проникал глубже – и видел в них наслаждение. Когда же она попросила о сладостном освобождении, он несколько раз содрогнулся, точно под ударами волн, разбивающихся о берег. По тому, как согласно двигалось ее тело, как она впиалась ногтями в его спину, как запросила о пощаде и с готовностью приняла его семя, Андриус понял, что жена принадлежит лишь ему одному. Отныне и навеки.

Вскоре Люмена задремала. Мужчина встал, надел заботливо приготовленный кем-то халат и вышел в соседнюю комнату, которая служила гостиной. Он налил себе чаю в большую черную кружку и едва слышно включил маленький телевизор, стоявший в углу. Передавали ночной выпуск новостей:

«...это появление кометы Галлея может стать самым незрелищным за всю историю наблюдений. Во время прохождения перигелия Земля и комета Галлея были по разные стороны от Солнца, что не позволило наблюдать комету в период наибольшей яркости, когда размер её хвоста был максимален. Кроме того, из-за возросшего со времени последнего появления [светового загрязнения](#) вследствие [урбанизации](#) большинство населения вообще не смогло наблюдать комету. Комета Галлея – единственная короткопериодическая комета, хорошо видимая [невооружённым глазом](#). Начиная с древнейших наблюдений, зафиксированных в [исторических источниках Китая](#) и [Вавилона](#), было отмечено по меньшей мере 30 появлений кометы. В Средние века появление кометы вызвало страх в Европе. Согласно «[Нюрнбергской хронике](#)» [Шеделя](#) эта «хвостатая звезда» была ответственна за продолжавшиеся в течение трёх месяцев

непрерывные ливни, погубившие урожай, сопровождавшиеся сильными молниями, убившими множество людей и скота. И в наши дни существует множество суеверий ...»

Андриус усмехнулся и выключил телевизор. Он был инженером ядерщиком и не верил в приметы или магические свойства комет. Все его близкие здоровы, семья живет в достатке, будущее рисуется спокойным и безмятежным. В спальне его ждет женщина, которую он любит больше жизни. Через год у них, возможно, родится ребенок. Андриус допил чай, поставил кружку на столик и осторожно нырнул в постель к Люмене.

За окном стало совсем тепло. Пошел первый в том году дождь.

Аварития быстро взошла на крыльцо, складывая большой черный зонт, укрывавший её от дождя. Дверь открылась за секунду до того, как палец её коснулся звонка.

– Заходи, – быстро проговорила Ира, – Супербия уже здесь.

– Ацедия? – спросила Аварития, пристраивая жакет на вешалку в холле.

– Наша мадам не придет, – Ира прошла в комнату, – сказала, что придет, когда что-то будет ясно.

– Ну-ну, – Аварития шла за сестрой, выключая по дороге свет. Даже в моменты сильного волнения она оставалась собой.

В комнате их поджидала третья сестра – Супербия. Загорелая и очень худая, она, казалось не имела возраста. Ей можно было дать и двадцать пять и пятьдесят. Короткий черный ежик открывал аккуратные ушки. Её глаза взирали на мир огромными серыми ртутными озерами. Супербия уверенной рукой переписывала на поверхность круглого столика знаки, сверяясь с мятым обрывком тетрадного листа. Убедившись, что больше знаков нет, она подняла глаза на сестер:

– Готово. Но если вам интересно моё мнение – писанина совершенно лишняя, мы и так отлично справимся.

– Не интересно – отрезала Ира, – мы теряем время.

Женщины уселись вокруг столика и взялись за руки. Комната наполнилась слаженным звуками их голосов. Слова произносились так быстро, что нельзя было разобрать ни слова. Рукам стало горячо, но останавливаться было нельзя. По щекам женщин текли слезы. За окном шел стеной нескончаемый ливень, смывая зимнюю грязь. Где-то во многих километрах от Земли неслась сквозь пространство огромная комета, поглощая солнечный свет.

Люмена открыла глаза. Она неосознанным движением положила руку на плоский горячий живот, переворачиваясь на спину и до утра не сомкнула глаз, мечтая о маленькой девочке с длинными косами и большими зелеными глазами. О своей будущей дочери.

Глава 1.4.

Прошел месяц. Люмена и Андриус провели его путешествуя по городам на своей новой машине. Они заранее определили примерный маршрут, но часто отклонялись от него, чтобы подробно изучить какой-нибудь интересный поселок или посетить дом с привидениями. Андриуса забавляло серьезное отношение жены к мистике и сверхъестественным явлениям, но для хорошего настроения Люмены он был готов на всё. Последней точкой маршрута назначили Киев. Люмена предлагала проехать до Бухареста, но отпуск, который Андриусу выделили на работе подходил к концу и следовало возвращаться.

После полудня въехали на территорию Украины. Стояла непривычная жара. В воздухе лениво колебались частички пыли, поднятой с дорог. Сонный маленький городок был тих и гостеприимен. Неподалеку слышался шум речки. Андриус предложил остановиться на отдых, а утром двинуться в путь. Из маленькой уютной гостиницы, где они без труда сняли номер, позвонили родным.

– Ну как вы там, молодежь? – басил в трубку отец Андриуса? – Не поубивали друг друга? А то матушки волнуются. – На заднем плане слышался женский смех, Люмене показалось, что она слышит голос бабушки Беллы.

– Андрей, где вы остановились, я запишу? – уточнил отец. Андриус назвал место, – Отлично! Слушай, я тебе дам телефон своего коллеги очень хорошего. Они там какое-то испытание на АЭС проводят в том районе. Позвони ему, пусть тебя пригласят тоже.

– Пап, неудобно, – вяло сопротивлялся Андриус, идея провести вечер за экспериментами с друзьями отца его совсем не прельщала, – я не занимался этим вопросом, буду глазами хлопать...

– Удобно-удобно, я с ним уже говорил, – признался отец, – Можешь и супруге показать какой ты важный начальник в каске и халате белом.

– Ладно, давай телефон, – согласился Андриус, – спорить с отцом было бесполезно. Андриус записал продиктованный номер на листочке из блокнота, заботливо подсунутого Люменой.

В трубке раздался громкий шорох и какая-то возня.

– Люмена, зайка! – послышался голос бабушки Беллумы. Люмена взяла у мужа трубку.

– Привет, бабушка.

– Люмена, уезжайте оттуда! – Беллума была не на шутку взволнована.

– Да мы ночку побудем всего и поедем, – Люмена пожала плечами и удивленно подняла брови в сторону мужа, – Тем более у Андрея дела, ты же слышала.

– Ты можешь сделать как я говорю или нет? – Беллума снова перешла на крик, – Нечего вам там делать, а мужу твоему и подавно!

В телефоне что-то хрустело и шуршало, голос в трубке стих, а затем вовсе пропал.

– Сорвалось что-то, – проговорила Люмена, – наши все оказывается у вас на даче.

– А бабушка что? – спросил Андриус, забирая из рук жены рубку и осторожно пристраивая на аппарат.

– Да ну её, – отмахнулась Люмена, – опять надумала что-то. Возьмешь вещи из машины?

– Да, иди в номер, – Андриус направился к стеклянным дверям, – Я потом ещё мужику этому позвоню, про которого папа говорил.

Люмена кивнула мужу, подхватила с журнального столика, стоявшего в гостиничном холле, свою сумочку и пошла к лестнице.

Номер повышенной комфортности был скромным, но уютным. У стены справа, занимая почти всё свободное пространство, стояли две кровати, сдвинутые вместе. По бокам располагались две небольшие тумбочки из темного лакированного дерева. Слева, напротив кровати,

стоял журнальный столик на четырех тонких ножках, украшенный нарядной белой салфеткой. Сверху чинно стоял телефон для связи с администратором. В дальнем от входа углу располагалось низкое кресло со слегка потертой обивкой. Ковер на полу отсутствовал. Зеленые плотные шторы, сделанные из того же материала, что и покрывало на кровати, были задвинуты и в комнату почти не проникал солнечный свет. Люмена открыла узенькую дверку справа, за которой обнаружился совсем не новый, но чистый санузел. Видимо наличие персонального унитаза и определяло уровень комфортности и шика. Девушка усмехнулась, прошла через комнату и широким жестом распахнула шторы. Открылся выход на маленький балкон с древними шаткими перильцами. Люмена открыла дверь.

– Ну чего там? – Раздался из-за спины голос мужа.

– Сейчас узнаем, – Люмена сделала шаг на балкон, старые доски возмущенно заскрипели.

– Не убейся только – предупредил Андриус, затем скорчил недовольное лицо и пошутил, – А то потом возиться ещё с тобой, хоронить. А у нас денег нет.

– Что я слышу от человека с двумя почками? – в тон мужу ответила Люмена. Она потрогала шишки разлапистой сосны, протянувшей к балкону свои ветви, и зачем-то понюхала липкие пальцы.

Внизу среди деревьев терялась ленточка тротуара. Люмена удивилась, как рано в этот раз всё заросло травой, с другой стороны, они забрались далеко на юг, климат здесь гораздо комфортнее, чем в их родной болотистой местности.

Девушка зашла в номер. После солнечного балкона комната казалась тёмной и мрачной, вокруг занавесок заплясали мелкие частички пыли.

– Короче я сегодня вечером уйду на пару часов, – сообщил Андриус, усаживаясь на край кровати и снимая носки. Он собрал тёмные комочки и хотел убрать в боковой карман дорожной сумки.

– Андрей... – тихо начала жена, она стояла возле балконной двери, прислонившись спиной к стеклянной двери.

Андриус тяжело вздохнул и направился к раковине. Люмена терпеть не могла грязные вещи. Ношенные носки полагалось стирать и сушить, прежде чем положить обратно в сумку.

– Я позвонил этому папиному другу, он сказал, что меня ждёт, – проговорил Андриус из ванной.

– А меня? – спросила Люмена, – она подошла к зеркалу, стянула с волос тканевую резинку, до этого державшую косу и теперь расчесывала длинные пряди уверенными размеренными движениями.

– А тебя нет, – строго ответил муж, Люмена слышала, как в ванной мерно льется вода.

– Ты говорил, что там всё безопасно, – возразила девушка.

– Да, энергия атома самая экологически чистая, – Андриус вышел из ванной, размахивая по кругу мокрыми носками, которые он осторожно приладил на балконные перила, – Но и самая малоизученная, поэтому сиди дома, как примерная жена. Тем более, юным девушкам, которые возможно готовятся к важному событию в жизни, не место на атомной станции.

– Как ты догадался? – вспыхнула Люмена, – И вообще, слишком рано говорить наверняка.

– Ну, – протянул Андриус, – Ты такая противная в последнее время, бьешь меня, – Он хохоча увернулся от подушки, метко направленной женой ему в голову, после чего молнией метнулся к Люмене и поймал её в охапку, прижимая спиной к себе и накрывая ладонями маленькие груди, – А ещё стало немного побольше тут! Впрочем, возможно, кто-то много ест, – Теперь захохотали уже оба.

Люмена немного поспорила с мужем для вида, но потом смирилась. Она не очень хорошо чувствовала себя и была рада отдохнуть. Супруги прогулялись до речки, на широких берегах которой вольготно раскинулись ивы. Под ногами гнулась нежная апрельская трава. То тут, то там выглядывали желтые точки мать-и-мачехи. Свежий ветерок ласково охлаждал щеки.

Андриус ловко схватил Люмену в охапку и сильно раскружил. Девушка притворно завизжала от страха.

– Пусти меня! Андрей, поставь, а то мне плохо будет, – Кричала Люмена, заливаясь счастливым смехом.

– Скажи мне? – попросил Андриус, становясь серьезным и осторожно опуская жену на землю.

– Я люблю тебя, ты – мой самый-самый! – Люмена обняла мужа за шею, принуждая того наклониться и поцеловала горячую кожу за ухом.

– И я тебя, малорослик! – ласково ответил Андриус, целуя жену в ответ.

Они еще немного прогулялись. В маленьком кафе на площади, куда супруги зашли перекусить, они снова начали дурачиться и чуть не опрокинули шаткий круглый столик. Толстая повариха на них ругалась, но не сильно, потому что видела, что молодые и счастливые. Она вспоминала, как и сама была юной и стройной и как муж, тогда ещё жених, покупал ей мороженое и кормил с ложечки. На донышке простой металлической вазочки на длинной ножке всегда оставалось немного и хотелось облизать, но было стыдно, потому что не прилично.

– Андрей, смотри какие зайки, – вдруг воскликнула девушка, указывая рукой куда-то в угол.

Она вскочила на ноги и быстро подбежала к большой коробке, стоявшей возле стены. В коробке что-то ворчал, сопело и шевелилось. Андриус направился к жене. На подстилке из старых одеял копошились два крошечных меховых комочка. Котятам было не больше месяца от роду. Один был рыжий, а другой угольно черный. Глазки уже открылись, но пока совершенно мутные, странно большие головы с треугольными ушками, кругленькие животики и трогательные короткие хвостики. Прелесть.

– Не трогай, кошке не понравится, – предупредил молодой человек.

– Я не буду, не буду, – отмахнулась Люмена, наклоняясь над коробкой. Она зажала ладони между коленок, словно сама себя удерживала от того, чтобы не потрогать котят.

– Ребята, хотите котика? – вдруг предложила повариха, появляясь возле девушки, – Мне их на той неделе кто-то под дверь подбросил, изверги, – Женщина вытирала руки краем белого передника и смотрела почему-то с надеждой.

– Почему изверги? – спросила Люмена, глядя на возню пушистых комочков.

– Кто ж таких маленьких у кошки отбирает? Они только – только сами лакать начали. Сообразительные.–хвалила котят женщина.

– А с другими делами как? – спросил вдруг Андриус, отодвигая край коробки и дотрагиваясь до пушистой спинки ближайшего малыша.

– Всё на отлично! – продолжала рекламировать питомцев повариха, – Если что я вам с собой дам тряпку, на которую они ходили, постелите в лоток на первое время, и без перехода добавила, – Едят совсем не много, даже можно сказать мало.

– Ну уж кота-то мы сможем как-нибудь прокормить, – задумчиво проговорил Андриус и посмотрел на замершую Люмену, – Как думаешь?

Девушка взвизгнула от восторга и бросилась ему на шею:

– Мы, правда возьмем котеночка? – приплясывала она от радости, – Прямо сейчас и заберем?

– Выбирай, – согласился муж.

– Только вот что, – вдруг остановила их повариха, – Я рыжую себе заметила. Вроде девочка, а мне крысоловка на дачу нужна. Черного хотите?

Люмена и Андриус заверили женщину, что именно черного котенка они и хотят. Андриус осторожно поднял малыша. Котенок спокойно умещался на его большой ладони, даже крошечный нос и подушечки лапчек были черными. Андриус ловко разжал новому приобретению пасть и заглянул на зубки. Мелочь, конечно. Молодой человек приподнял котенка и

заглянул под хвост. Однозначно, кот. Об этом он и сообщил замершей рядом Люмене. Она заверила мужа, что кот гораздо лучше кошки, тем более черный.

– Он пушистый будет, – давала последние наставления повариха, – И большой.

Молодые люди поблагодарили женщину и направились в гостиницу. Приданное малыша состояло из грязной тряпицы, небольшой бутылочки молока и блюда, которое пришлось купить, потому что даром его повариха не отдавала. Не густо. Люмена надела куртку и осторожно положила котенка за пазуху. Предстояло ещё решить вопрос с размещением питомца в гостинице.

Андриус купил в лотке несколько пирожков, на случай, если Люмена проголодается пока его не будет, после чего они вернулись в гостиницу. Андриус быстро принял душ и отправился на встречу. Люмена немного понаблюдала за котенком, выдумывая варианты клички, а затем устроившись в кресле с книгой не заметила, как задремала.

Она проснулась ночью, Андриуса не было в номере. Голова раскалывалась от резкой пульсирующей боли. Люмена застонала, выпрямляя затекшую спину. Внезапно тело скрутил рвотный позыв. Люмена еле-еле успела добежать до ванной, зажимая ладонью рот. Девушку вырвало. Перед глазами колебалось серое марево, из которого то и дело выныривали детали окружающего мира. Полотенце на сушилке. Желтая плитка на полу. Пыль в углу. Из желудка поднялась очередная липкая волна и девушка вновь склонилась над унитазом, одной рукой придерживая волосы, а другой опираясь на стульчак. Захотелось пить. Выкинув из стаканчика зубные щетки, Люмена налила из-под крана воды и залпом выпила, и тут же закашлялась, вода фонтаном вылилась назад. Девушка высморкалась в обрывок серой туалетной бумаги и заметила следы крови. Горло горело металлическим огнем.

Тихонько застонав, Люмена вернулась в комнату. Ноги сильно дрожали. Она без сил опустилась на кровать и свернулась калачиком, натянув на себя покрывало. «Андрюша, что случилось? Где же ты? – мысленно разговаривала с мужем Люмена, – возвращайся скорее, мне так плохо...». Была уже половина третьего ночи. Раньше муж никогда не уходил так надолго, не предупредив её. Вариант позднего банкета исключался по той же причине. Если бы коллеги пригласили его куда-то после эксперимента, Андриус обязательно позвал бы и жену. Люмена решила позвонить администратору и узнать, может быть муж приходил, пока она спала, но телефон в номере не работал. Девушка медленно поднялась с постели, немного посидела, ожидая, пока комната прекратит плясать перед глазами, и направилась к дверям. Равнодушно заглянула в зеркало. Люмена не переодевалась после прогулки и сейчас была одета в синие джинсы и голубую клетчатую рубашку. «Удобно и не марко, – подумала она, – можно выходить, только волосы растрепались, надо прибрать, а то там люди всё-таки в холле». Люмена стянула тряпичную резинку и несколько раз провела щеткой по спутанным прядям, удивившись, выпавшим волоскам. «Надо будет кальция попить, – пронеслось в угасающем мозгу». Люмена упала на пол, потеряв сознание.

Глава 1.5.

– Ты можешь ехать быстрее? – Ира была сама не своя.

– Могу, – прогудела Аварития, левой рукой пытаюсь нащупать гнездо ремня безопасности

– Но тогда первый же постовой нас остановит и станет задавать дурацкие вопросы. Выберемся на трассу и поедем нормально.

Ира откинулась на спинку сиденья и прикрыла правой рукой усталые от бессонной ночи глаза.

– Как ты? – Спросила Аварития, бросив быстрый взгляд на сестру.

– Как я? Как мать, которая везет домой единственного ребенка, и которая не знает, придет её дочь в сознание или нет, – С губ Иры слетел тяжкий вздох, – А потом придется найти слова, чтобы сказать ей, что она осталась вдовой, побыв женой всего месяц.

Словно в ответ на её слова в отдалении раздался оглушительный раскат грома.

Аварития замолчала, напряженно глядя на дорогу. Она любила быструю езду, но сейчас следовало быть предельно осторожной. На заднем сидении, неловко подвернув ноги, лежала её племянница.

Забрать Люмену из гостиницы удалось только после большого скандала. Дежурная по этажу настаивала, что девушке необходим врач и нужно вызвать скорую. Выполняя наставление своей матери – Беллумы, Ира и Аварития категорически отказывались от какой-либо помощи. Они быстро собрали вещи Люмены и Андриуса и двинулись к выходу, потеснив стоявшую на пороге дежурную по этажу. Ира подхватила увесистые сумки, а Аварития осторожно подняла на руки племянницу.

Внезапно Ира замерла на пороге. Из-за занавески неловко выпал комочек черного меха. Раздалось жалобное пищание. Котенок вопросительно уставился на женщину, неловко переступая крохотными лапками по полу.

– Это ещё что? – удивилась Ира и оглянулась по сторонам, словно рядом был кто-то способный дать ответ.

– Мне тяжело вообще-то, – напомнила Аварития, Люмена кулем видела на её руках, – Бери лохматика в сумку и пойдём, потом разберемся. Мало ли где они его откопали.

Чертыхнувшись сквозь зубы, Ира подхватила котенка и посадила поверх самой большой сумки.

– Нести тебя в руках не могу, – пояснила она зверьку, – Держись, малыш, мы уезжаем.

С этими словами они вышли из номера. По странно затихшему коридору прогрехотали шаги.

– Я милицию вызову! – заорала из глубины холла администратор. Женщина сидела за письменным столом напротив лестницы, свет настольной лампы страшно и нелепо освещал её подбородок и острые скулы. Валик строгой прически трясся от возмущения.

– И психиатричку себе вызови! – не осталась в долгу вспыльчивая Ира, спускаясь на первый этаж и рысью пересекая пространство до выхода.

Тяжелая пружина гостиничной двери громко хлопнула за их спиной.

Люмена чувствовала, что её поднимают и куда-то несут. Где-то на границе сознания слышался негромкий разговор, но слов было не разобрать. Её уложили на что-то мягкое, но очень неудобное. Что-то хлопнуло у головы и под ногами. Заурчал двигатель. Темная машина осторожно сползла с пятачка стоянки у гостиницы. Обочина и деревья вокруг были покрыты странном белым налетом, в отдалении слышался визг сирены. На улице не было ни одного человека.

Машина выехала на широкую дорогу и увеличила скорость. Вокруг стремительно темнело. Словно по взмаху невидимой волшебной палочки на небо напоззли тяжелые ртутно-

серые тучи. Крупные, мощные капли дождя тяжело застучали по крыше. Мимо промчалась милицейская машина. Ира и Аварития проводили её подозрительными взглядами.

– Надо подальше отъехать, – сказала Аварития. – Сколько времени?

– Почти три, – ответила Ира.

– Черт, – тихонько ругнулась Аварития и осторожно остановилась на обочине. Ира выскочила из машины за мгновение до остановки. Ветер подхватил полу короткого темного плаща, кидая в женщину пригоршни холодных капель. Под ногами противно зачавкало, тонкие каблочки щегольских ботиловязов вязли в придорожной грязи. Ира поправила воротник, закрываясь от буйства стихии. Когда Аварития подошла к ней, Ира уже осторожно доставала из небольшой сумки старый термос и маленький флакон из непрозрачного стекла. Аварития забрала и то и другое из дрожащих рук сестры.

– Так, залезай в салон к Люмене, возьми голову на колени, а я тебе буду подавать, – она осторожно открутила крышку, – Фу, ужас какой!

Термос был заполнен отвратительной жижой бурого цвета. Завоняло чем-то горько-кислым. Ира злобно зыркнула на сестру, но ничего не сказала. Она пошла к дочери, села рядом, обняв Люмену за голову и плечи. Аварития залезла на водительское сиденье, и повернулась назад:

– На держи, – она отдала сестре крышку термоса до краёв заполненную мерзким варевом, – мама сказала поить каждые три часа этим, и через раз из маленькой.

– Почему она не приходит в себя? – беспокоилась Ира, осторожно вливая дочери в рот питьё. Люмена кривилась, но всё же сделала несколько глотков, не открывая глаз

– Очень большая нагрузка на организм, – Аварития внимательно следила за действиями сестры, – А она ведь беременная. Мама сказала, что она будет спать всю дорогу.

– Будем надеяться, что всё обойдется, – сказала Ира, протягивая руку за другой бутылочкой, которую уже держала наготове Аварития.

– Обойдется, – ответила она, – Люмена сильная девочка, а её малышка и подавно. Зелья нашей матушки и не с такими бедами справлялись. Аварития поставила термос в подставку между сиденьями и снова обернулась к сестре:

– Ты пересаживаться будешь или там поедешь?

– Да, иду, пусть посвободнее лежит. Хоть воздуха немного будет. – Она перешла на пассажирское сиденье рядом с водителем.

– Смотри, а блохастик тоже держится, – Аварития она кивнула в сторону котенка, уютно свернувшегося клубочком внутри небольшой корзинки, валявшейся в багажнике со времен походов за ягодами. – Боец. Надо ветеринару показать будет. – Корзинку переставили в салон, под переднее пассажирское сиденье, чтобы следить и за малышом тоже. Он, словно понимая, что сейчас не до него, всю дорогу или спал, или тихонько сидел, внимательно глядя по сторонам и часто дыша

Мерно загудел мотор. Темная неприметная машина стремительно полетела на север. Ветер яростно трепал деревья, пролетающие за окном, стремительно наполнялись лужи, отскакивающие от асфальта капли дождя распадались острыми льдистыми осколками. Потребовалось ещё четыре таких же остановки прежде, чем женщины добрались до родного города. Люмена то и дело надсадно кашляла, пуская мутные слюни. Ира вытирала лицо дочери разноцветными хлопковыми салфетками, которые дала им в дорогу Белла и тихонько плакала, думая, что никто не замечает. Как и накануне всю дорогу за рулем была Аварития. Лучший водитель в семье, она выжала из машины невозможное, преодолев за семнадцать часов путь, обычно занимавший больше суток.

Глава 1.6.

Добиравший последние минутки утреннего сна дом, встретил их рассеянным светом дежурного фонаря. Так родители, поджидая взрослых детей после вечеринки, ложатся вздремнуть, но всё равно вскакивают от каждого шороха и на всякий случай оставляют на кухне или в прихожей свет. Они до боли в ушах вслушиваются в окружающую тишину, иногда подходят к бледнеющим утренним окнам, чтобы посмотреть, не показалось ли где-нибудь драгоценное чадо.

На крыльцо выбежал здоровенный мужик в джинсах и короткой коричневой куртке из-под которой торчала красная футболка. Не по сезону загорелая лысина мужика была украшена черными кудряшками, кокетливо торчащими над ушами. Муж Аваритии – Марк, выглядел бы забавно, если бы не цепкий взгляд черных глаз и сжатые в тонкую линию губы. Мужчина в несколько прыжков преодолел расстояние до подъехавшей машины и открыл пассажирскую дверь.

– Дайте я посмотрю! – скомандовал он Ире и Аваритии, пытавшимся производить в салоне какие-то странные действия, они бестолково толкались и копошились, раскачивая автомобиль.

Марк вытащил Люмену из машины и отнес в дом, взволнованная Ира направилась следом. Аварития достала из багажника вещи и сложила на крыльцо. Кто-нибудь потом разберет. Последней она принесла в дом корзинку с котенком, который с интересом оглядывался вокруг, но спрыгнуть на землю не пытался. Женщина поставила корзину в углу гостиной. Стоит подождать пока котенок выйдет сам, чтобы не боялся.

– Приехали, – торжественно сообщила ему Аварития. Она нежно почесала мохнатое ушко и не удержалась от колкости, – Мех у тебя из ушей как у Марка.

Зверек благодарно боднул головой протянутую руку, потом о чем-то подумал и лизнул, после чего, видимо, решил, что нежностей достаточно. Он широко зевнул и стал сворачиваться клубочком – приготовился уснуть.

Подошла Беллума. Она многозначительно хмыкнула, но ничего не сказала.

– Почему он всё время спит? – спросила Аварития, кивая в сторону котенка.

– Маленький совсем, – начала перечислять Беллума, – Устал, боится, приболел.

– Он не умрет? Мы его у Люмены нашли.

– Если ещё не умер, то вряд ли, – успокоила дочь Беллума и предложила, – Идем к нашим?

Ира сидела на кухне, напряженно ожидая, что скажет Марк, проводивший первичный осмотр Люмены.

– Ну что? – спросила Ира, когда он появился на пороге комнаты.

– Ну спит, что? – передразнил её Марк.

В этой семье часто разговаривали друг с другом так, словно вот-вот собирались разозлиться, спорили до хрипоты, но никогда всерьез не ругались.

– Ир, я психиатр, – Марк отвернулся к плите и налил кипятка в большую черную кружку, – Что мог посмотреть, – Как проснется, будем наблюдать, я с ней поговорю.

Ира тяжело вздохнула, опускаясь на стул.

– Где Анна и Томас?

– Уехали где-то с час назад, – Марк размешивал в кофе сахар, – Томасу только утром позвонили. Мы спали, – Ложка с мерным стуком задевала края кружки, громко тикали часы.

– Успокойся, – Аварития подошла к мужу, забрала из его рук кофе и отпила пару глотков. Затем вернула кружку и поставила на огонь чайник, – Где все?

– А здесь все, спят только, – Марк поставил кружку с кофе за спину и теперь стоял возле разделочного стола скрестив на груди могучие руки, покрытые плотным черным ворсом, – Нет Ацедии и нашей Гули, они с мелкими в городе остались. Я считаю, что надо всё-таки врача вызвать.

– Бабушка не велела, – подняла на Марка совершенно больные глаза Аварития.

Беллума, стоявшая прислонившись к дверному косяку молча кивнула, подтверждая слова дочери.

– Наша-ваша бабушка такого никогда не видела, – повысил голос Марк, – Что она будет делать? Вином Люмену поить и стихи читать? Короче, я звоню Слепко, пусть заедет, хуже не будет.

Беллума сердито поджала губы и засопела. Слова зятя сложно было опровергнуть. Внезапно из соседней комнаты послышался удивленный голос:

– Мам?

Через мгновение на пороге кухни показалась заспанная Люмена, в недоумении озирающаяся вокруг:

– Что произошло? – возбужденно спросила она, – Почему я дома? Где Андрей?

Ира подошла к дочери и взяла её за руки, после чего быстро проговорила:

– Ребенок, там на станции, где был твой муж, что-то пошло не так при испытаниях. Случилась авария и был пожар, – Ира чувствовала, как пальцы дочери стальными кольцами сжимаются вокруг её ладоней, – Андриус погиб.

– Это точно? – Люмена напряженно вглядывалась в лица родных.

– Да, зайка, – ответил племяннице Марк, – Его родители поехали забрать тело домой.

Люмена беззвучно заплакала. Не укладывалось в голове, что её мужа кто-то может называть словом «тело». Девушка всхлипнула и бросилась в объятия матери. Ира тихонько качала дочку, ласково шепча той на ушко слова, которые сегодня не могли ни унять, ни уменьшить чудовищную боль. Эта боль растекалась свинцовой плитой от горла вниз к животу, мешая дышать. Всё это казалось дурным сном, ведь совсем недавно они с Андриусом гуляли по набережной и строили планы на будущее. А теперь всё разрушилось. Люмена глубоко вздохнула и прикусила нижнюю губу, сдерживая слезы.

– Люмена, как ты себя чувствуешь? – спросил Марк. Он так и стоял с кружкой в руках, не делая ни глотка.

– Ничего, – сухо бросила девушка и добавила, – Я не умру, если ты об этом.

Марк в ответ удрученно кивнул головой, после чего вернулся к начатому разговору.

– Нужно вызвать врача, – напомнил он почему-то с вызовом.

– Зачем? – Люмена неопределенно пожалала плечами, она переводила взгляд с предмета на предмет, ни на чем определенном не останавливаясь. Щеки ввалились, волосы мятыми паклями свисали по обе стороны от лица, пальцы то и дело сжимались, будто пряли невидимую нить. Смотреть на неё было жутко.

– В твоём положении нельзя рисковать, – Марк выразительным взглядом обвел жену и свояченицу. – И полагаться только на мнение только одного специалиста.

– Хорошо, пусть будет врач, – не стала спорить Люмена, – хуже не будет.

Девушка медленно вернулась в комнату. Там она опустилась в своё любимое кресло-качалку, и, укрывшись лежащей в ней шалью принялась раскачиваться, бездумно глядя вперед. Ира хотела пойти к дочери, но так и не нашла в себе сил переступить порог комнаты.

Терапевт Лариса Максимовна Слепко приехала в течение часа. Проведя осмотр и выслушав сбивчивый рассказ Иры и Люмены о произошедшем, она велела девушке срочно ехать в больницу.

Глава 1.7.

В поликлинику Люмена поехала в компании бабушки. Им пришлось взять такси, потому что древний мерседес Беллы в очередной раз был в ремонте, а Люмена была в таком состоянии, что не смогла бы сесть за руль ни за какие коврижки. Девушка равнодушно наблюдала как лучи утреннего солнца отражаются в зеркалах заднего вида. Странно, Люмене совсем не хотелось плакать, казалось, что всё случившееся – плохой сон или сюжет дешевого бульварного романчика, который так любит бабушка. Хотелось проснуться и увидеть мужа, обнять его, услышать какую-нибудь из его шуток, не всегда уместных, но неизменно забавных. Люмена тихонько хихикнула, вспомнив одну из них, но тут же расстроено умолкла, заметив встревоженный взгляд бабушки. Повисло тяжелое липкое молчание и остальной путь прошел в тишине, иногда разбавляемой сигналами машин и другими звуками улицы, доносившимся через окно.

В поликлинике, несмотря на ранний час, былолюдно. Люмена смиренно пристроилась в конец широкой очереди в регистратуру, где в двух окошках медсестры неторопливо выдавали карточки, то и дело покрикивая на пациентов, явно мешавших им заниматься чем-то более важным и нужным. Время от времени они косились в сторону, где у окна в углу был накрыт стол: по середине зеленой клеенчатой скатерти в потертый голубой цветочек стоял нарядный белый чайник в красный горошек, слева располагалась глубокая тарелка с булочками и песочными кольцами, сверху кто-то заботливо поместил толстый рогалик с маком, а справа от чайника стояла высокая банка с каким-то темным вареньем. Варенья было много – больше половины, значит и чаепитие предстояло долгое и степенное. А тут эти больные!

– Ну? – поторопила Люмену одна из медсестер.

– Мне карточку дайте пожалуйста, – вежливо попросила девушка.

– Да ясно, что не хлеба. Фамилия? – медсестра скривила фиолетовые губы.

– Литорайте, – ответила Люмена, бросив короткий взгляд в сторону. Бабушка Белла стояла в отдалении и что-то увлеченно читала на большом плакате возле лестницы.

– Девушка, что вы бубните? Не можете говорить, так вам к сурдологу, не надо тут мычать мне, – медсестра таяко вздохнула и, растягивая слова, презрительно процедила: Фамилия, адрес.

– Да-да, извините. – Люмена назвала требуемое и снова обернулась

– К кому идем? – поинтересовалась напоследок любезная дама.

– В женскую консультацию, – ответила девушка, забирая тонкую тетрадку и делая торопливый шаг назад.

– Оно и видно, – пронеслось вслед.

Люмена позвала бабушку, и они вместе пошли к лестнице. Нужный кабинет находился на третьем этаже, но лифтом люди почти не пользовались, так как боялись застрять в древней, припадочно дрожащей и фыркающей кабине.

На залитом лучами солнца лестничном пролете между вторым и третьим этажами курили две молодые девушки. Одна в белом халате, скорее всего медсестра, а вторая беременная на большом сроке. Девушки что-то оживленно обсуждали, перегородив проход. Беллума презрительно покосилась на парочку и придержала край шарфика, словно боялась ненароком задеть кого-нибудь. Девушки смущенно отодвинулись в сторону, освобождая проход. Люмена с бабушкой прошли мимо них и, преодолев последний пролет и небольшой холл, оказались у нужной двери.

У кабинета сидела скучающая девушка в серых спортивных штанах. Розовая футболка туго обтягивала круглый живот. Она читала газету и слегка улыбалась каким-то своим мыслям.

– Посиди тут, – тихо скомандовала Белла и кивнула подбородком на банкетку у противоположной стены, а сама, постучавшись, решительно шагнула в кабинет.

– Что, залетела? – вдруг раздался сбоку участливый шепот. Люмена подняла глаза и увидела, что девушка в футболке сложила газету и была явно настроена на беседу.

– Нет, – удивленно ответила Люмена, – с чего вы взяли? Я замужем.

– Ну да, ну да. А я смотрю – молодая ты, – пожалала плечами девушка, – С мамашей злобной пришла.

– Это бабушка, – поправила Люмена, доставая из сумки книгу.

– Один фиг – припечатала собеседница, вздохнула и рассеянно почесав живот продолжила:

– Хорошо тебе, ты семейная, – произнесла она, – А я одна вот мыкаюсь. Я из деревни приехала, хотела в институт поступать, провалилась. Решила на следующий год еще раз попробовать. Устроилась пока в общежитие вахтершей, чтобы и жильё было и ума набираться. Познакомилась с парнем. Красивый такой, важный. Аспирант. Тоже в общежитии жил. Думала сначала, что он во мне нашел такого? А что во мне не хорошего? И готовила ему и обстирывала и спать с ним сразу стала, не кобенилась. Что смотришь? Осуждаешь? – Девушка повысила голос, и вся подтянулась, словно хотела уже от кого-то защищаться.

– Нет, что вы? – ответила Люмена и улыбнулась, – Я и не думала. Обычное дело.

– Вот и я про то же, – продолжила девушка, – В деревне у нас не так. Мамаша моя орала как бешеная, когда узнала, что я с мужиком не расписанная живу. А что я сделаю? – обратилась она к Люмене, и тут же сама ответила, – Не силой же его женить.

– И что же случилось? – спросила Люмена. Она видела, что девушке хочется выговориться и дала той эту возможность.

– А случилось то, что я по совету мамашы своей забеременела. Думала пузом его в ЗАГС затолкаю. А фиг там был, бросил меня мой принц оципаный. Быстренько вещички в чемоданчик побросал и был таков.

– Бедная вы! – посочувствовала Люмена, – И как же теперь?

– А чего бедная? – усмехнулась несостоявшаяся невеста, – Рожу вот и к нему с ребеночком и отправлюсь, пусть платит. А не захочет платить – подам в суд, – Она стала размеренно стучать себя по коленке, словно задавая словам какой-то ритм, – Все в общежитии видели, что он со мной жил, значит он – отец. А раз отец – пусть несет ответственность.

В этот момент открылась дверь кабинета, Беллума кивнула Люмене, чтобы та заходила внутрь, а сама она осталась ждать снаружи. Лицо бабушки было совершенно непроницаемым.

Врач оказалась пожилой женщиной в стильных треугольных очках. Пшеничного цвета волосы дамы были уложены в замысловатую причёску. В ушах покачивались крупные камни темного цвета, оправленные в золото. Люмена была готова заключить пари на то, что после окончания рабочего дня такие же камни украшают и толстенькие короткие пальчики доктора. Поправив на необъятной груди хрустящий белый халат врач приветливо улыбнулась:

– Заходи, девочка, рассказывай, как самочувствие?

– Хорошо моё самочувствие, – в тон ей ответила Люмена.

– Давай посмотрим, раз хорошо? – предложила врач, поднимаясь из-за стола и шагая к раковине в углу кабинета, – Проходи в смотровую за ширму, готовься, – распорядилась она, тщательно намыв руки, – Меня зовут Инна Валерьевна.

Она быстро провела осмотр, параллельно задавая необходимые вопросы и удовлетворенно кивая головой, получив ответы. Наконец Инна Валерьевна заулыбалась и сняла тонкие перчатки.

– Всё у нас как надо, всё у нас в ажуре! – сказала она, – Одевайся, проходи в кабинет.

Люмена почти закончила одеваться, когда услышала, что открылась дверь и кто-то вошел. До девушки донеслись обрывки тихого разговора:

– Ну что тут? – спрашивал неизвестный голос

– Да нормально всё, может обойдется? – ответила Инна Валерьевна так же шепотом

– У нас есть указания, надо их выполнять, – тяжело вздохнул голос, – давай тут не затягивай.

Люмена увидела, что мимо кабинета быстрым шагом прошла их терапевт Лариса Максимовна. Почти беззвучно закрылась дверь. Когда девушка зашла в кабинет, выражение лица Инны Валерьевны было строгим и отстраненным.

– Люмена Джоузасовна, – начала врач, потом сбилась и начала снова, – Люмена, ты понимаешь, что мы сейчас оказались в очень сложной ситуации?

– Что случилось? – напряглась девушка

– Ты почти пол суток провела в зоне сильного радиационного заражения, – Инна Валерьевна вздохнула и спрятала глаза, – Может позовем бабушку?

– Да, конечно, – согласилась Люмена. Она хотела выглянуть в коридор, но Белла уже появилась на пороге кабинета. Сегодня она была особенно хороша в брючном костюме серого цвета. Шею украшал длинный шарф цвета фиалок, тонкие каблочки стильных туфель негромко цокали в такт шагам. Белла чинно прошествовала к банкетке, обитой коричневой клеенкой, на которой сидела, зажав ладони коленями испуганная Люмена и осторожно пристроилась рядом.

– Так вот, – приободрилась врач, она зачем-то пригладила отвороты халата и переложила с места на место пару ручек, – Я пишу направление на прерывание беременности.

– Да вы что? – Закричала Люмена, – Вы же говорили, что всё хорошо, – Девушка вскочила на ноги, но бабушка схватила её за локоть и усадила назад, одновременно шикнув, чтобы сидела молча.

– Вы же говорили, что всё в порядке? – спросила Белла, поудобнее устраивая на коленках сумочку.

– Говорила, но у нас есть директива, – Нервничала доктор, – Мы должны её выполнять. Неизвестно, что там у вас может получиться?

– Где «там»? У кого «у нас»? – снова сорвалась Люмена, – У меня муж погиб! – Она заплакала, закрывая маленькой ладошкой рот и обессиленно прижалась к бабушкиному плечу

– А что я могу сделать? – Тоже повысила голос Инна Валерьевна, – Знаете, сколько у меня таких? Я что буду с каждой нянчиться? Молодая еще. Нарожаешь.

Люмена прерывисто вздохнула, набирая побольше воздуха для следующей тирады, но почувствовала, как бабушкина рука стальным кольцом сжимает её пальцы и затихла. В голове пронесся тихий, похожий на шелест листьев голос: «Алая-алая лента, на белых бумажных листах. Теряется как-то, и где-то найдется на чьих-то руках».

– Пишите, – сказала Белла вслух, она сидела, вытянувшись в струнку и сложив ножки рядышком, словно балерина.

Инна Валерьевна протянула руку к стопке бланков на краю стола и хотела взять верхний, как вдруг раздосадовано вскрикнула:

– Ой, ну надо же, порезалась! – Она затрясла ладонью с которой полились красные кровавые капли, – Все бланки заляпала, коза безрукая, – врач добавила несколько непечатных выражений и выскочила из кабинета, бросив на ходу, – Посидите, я за новыми схожу.

Белла сосчитала про себя до пятидесяти, после чего быстро поволокла внучку к выходу, цыкнув на неё, чтобы вела себя как ни в чем не бывало. Карточку она спрятала в сумку. Люмена вела себя молодцом – бодро шевелила ногами и не задавала лишних вопросов пока они не вышли за ограду клиники.

– Бабушка, а куда мы теперь? – спросила наконец девушка

– Надо куда, – отрезала та. – Аборт они придумали делать. Идиотки учёные, глаз нет, лишь бы резать да шить. Кружок кройки, а не больница, – Белла достала из сумочки плоский портсигар серебристого цвета, достала из него тоненькую коричневую сигаретку и со вкусом затянулась.

- Бабушка, ты же бросила! – возмутилась Люмена
- Угу, – ответила Белла, выпуская ровное колечко, – Бросишь тут с вами. На дачу поедем.
- К родителям Андрея? – спросила девушка.
- Нет, на нашу старую дачу. В родовое гнездо, так сказать, – улыбнулась Беллума, – Там и до людей не далеко если что, но и нет никого, пока не нужны. И море близко.
- Что мы там будем делать?
- Жить будем тихонечко, ребеночка ждать твоего, – теперь Беллума как будто разговаривала сама с собой. – Научу тебя кое-чему.
- Колдовать? – улыбнулась Люмена.
- Можно и так сказать, а то здоровая кобылица выросла, сама почти мать, а ни умения, ни выдержки. Только молнии взглядом разгонять и умеешь, – Беллума обняла внучку за плечи. – Нам предстоит большая работа.

Часть 2.

Глава 2.1.

На светлой стене шевелилась тень от стоящего за окном дерева. Молодой мужчина, лежащий на узкой больничной койке, немного понаблюдая за её осторожным дрожанием и перевел взгляд в сторону. На белой тумбочке стояла небольшая коробочка, от которой тянулись нити проводков разного цвета. Проводки исчезали где-то под одеялом. Раздавался тихий мерный писк какого-то датчика. Лежать стало неудобно и он осторожно сел и опустил ноги на теплый плиточный пол. В голове помутилось и пришлось какое-то время оставаться неподвижным, ожидая, пока мебель прекратит выписывать причудливые круги перед глазами.

Открылась дверь.

– Олег Сергеевич, зачем же вы встали? – раздался взволнованный голос.

– Кто встал? – спросил он.

– Да вы же! – небольшого роста медсестра в хрустящем халате и смешном колпачке на темной головке, удивительно ей шедшем, ловко уложила его обратно на койку, – Вам нельзя вставать, Олег Сергеевич!

– Девушка, я не Олег Сергеевич, я... – он осекся, потому что не знал, что сказать дальше.

– Ну, а кто же вы? – медсестричка хитро прищурила глаза. Он насупился и отвернулся к окну. Девушка заулыбалась и весело продолжила, – Вы – Олег Сергеевич Котов, мастер.

– Мастер чего? – раздраженно спросил мужчина, глядя в сторону.

– Не знаю, – Она чем-то щелкнула на приборе и поправила подушку, – Вы пострадали при аварии на станции. Ударились головой, а потом еще дымом надышались. Постарайтесь отдохнуть. Хорошо, что вы пришли в себя, мы уже начинали волноваться.

С этими словами она вышла из палаты, почти беззвучно прикрыв за собой дверь.

Он снова сел, стараясь двигаться осторожно. Одной рукой взялся за металлическую спинку кровати, а другой придерживал ноющую голову. Он просидел так несколько минут, после чего медленно поднялся на ноги. Слева от двери в палату в углу была раковина, а над ней висело прямоугольное зеркало без рамы, кое-где отмеченное черными точками амальгамы. Он умылся, наслаждаясь колким холодом воды и наконец взглянул на себя. Бритая голова с синей тенью пробивающихся волос, темные круги под глазами, серо-желтое изможденное лицо глубоко больного человека. Темные глаза под всклоченными черными бровями, нос прямой, щеки с пробивающейся щетиной. Пришлось немного пригнуться, зеркало было рассчитано на людей пониже ростом. В голове клубилось серое нечто. Олег Котов? Иван Собакин? Степан Рыбкин? Абсолютная пустота. Он попробовал выудить из памяти что-нибудь, что помогло бы ему вспомнить, кто он такой. Затуманенный мозг услужливо предлагал шум моря, тепло деревянных ступеней на высоком крыльце, смех женщины с темными косами. Олег Котов? Ерунда какая-то. Но другого имени у него нет, по крайней мере пока.

Он обернулся на звук. Из-за открывшейся двери показался полноватый мужчина невысокого роста. Его короткие волосы были тщательно уложены на одну сторону, небольшие глазки весело смотрели из-под кустистых бровей, под носом топорщилась широкая жесткая щетка усов. На вошедшем были легкие серые брюки и рубашка в светлую клетку. На плечи мужчины надля порядку накинул белый халат, концы пояса практически тянулись по полу, но подвязать или спрятать его мужчина не посчитал нужным.

– Здравствуйте, молодой человек! – поздоровался вошедший.

Олег кивнул и вопросительно посмотрел на мужчину. Ничего в его облике не показалось знакомым.

– А! Я – Станислав Петрович, начальник отдела кадров, – толстяк пристроился на свободную койку у противоположной стены и сложил руки на животе, – Мне доктор сказал, что у тебя с памятью беда пока что.

– Да, я вас не помню, – Олег медленно дошел до своей постели и тоже сел.

– А меня ты и не можешь помнить, ты ж меня не видел ни разу, – Станислав Петрович всхотнул и поправил халат, то и дело сползавший с покатых округлых плеч, – А вот я тебя сразу узнал, хотя фотография в личном деле поганая, должен сказать тебе.

– Вы уверены? – уточнил Олег с интересом разглядывая начальника. Тот чем-то неуловимо напоминал моржа. Усами наверное...

– Сто процентов! Ты – Олег Сергеевич Котов. Двадцать три года. Прибыл из Калуги, работать мастером ремонтного цеха на нашей многострадальной станции. Ты же в робе был, когда тебя нашли, там желтым по черному написано "Котов О.С. – М.Рем.Цех" Это ремонтный цех значит.

– Многострадальной? – Олег покивал и снова потер гудящий лоб.

– Так приехали из столицы профессора какие-то, решили испытания проводить, вот и направили на свою и нашу голову, – Станислав Петрович тяжело вздохнул, – Перемудрили там что-то, и всё взорвалось к чертям, – он помолчал, подбирая слова, – Говорят защиту отключили специально, для чистоты эксперимента или чтоб нагрузку давать. Я не знаю, я же не инженер. Я кадровик, с людьми работаю, в оборудование не лезу.

– И я был там? – спросил Олег.

– Ну не совсем там, но рядом, в соседнем корпусе. Ты оформляться только пришел. Первый день. – Станислав Петрович что-то внимательно изучал на пустой стене за спиной у Олега, – Документы конечно все сгорели, но мы восстановим, ты не волнуйся. Я уже запросы сделал. Там и память вернется. Врач сказал, так бывает, ты сильно головой ударился.

Он еще немного посидел с Олегом, задавая дежурные вопросы о самочувствии и пожеланиях, после чего попрощался и удалился, пообещав зайти через пару дней.

Олег остался сидеть на кровати, обдумывая слова Станислава Петровича. Обретенное имя казалось ему чужим и неудобным, но другого всё равно не было. Через некоторое время медсестра привезла на металлической тележке ужин.

– Обо мне никто не спрашивал? – спросил Олег, уплетая нехитрые больничные блюда.

– Нет, – потупилась медсестра, – Начальник ваш сказал, что у вас родственники все уже давно умерли, что вы потому и согласились на перевод, что вам всё равно было в какой город.

– Ясно, – ответил Олег, которому пока ничего не было ясно.

– Память обязательно восстановится, – Ласково проговорила медсестра, осторожно касаясь его плеча, – Ты... Ой, извините, Вы отдохайте, Олег, а я утром зайду вас проведать.

– Хорошо, – он послушно улегся.

Медсестра покатила тележку к двери.

– Как вас зовут? – вдруг спросил Олег.

Девушка задержалась на пороге. Олегу даже с кровати было видно, как её маленькие ушки постепенно становятся пунцовыми.

– Люда. Людмила Васильевна, – тихо проговорила она.

– Людмила Васильевна, если не сложно, вы бы мне хоть газету принесли почитать.

– Хорошо, – ответила девушка, – До свиданья.

– До свиданья.

Он медленно закрыл глаза, давая телу долгожданный отдых. Видимо он действительно сильно ударился. Надо поспать.

Глава 2.2.

На утро, как и последующие дни ничего не прояснилось. Он по-прежнему ничего не помнил. Имя Олег подходило ему так же, как и спортивный костюм с парой маек, которые заботливо принес начальник. Но он пользовался и одеждой, и именем, потому что другого всё равно не было. Ежедневные процедуры изматывали и без того ставший похожим на губку мозг и мешали думать.

По ночам Олега мучили кошмары. Из глубин сознания выплывала укутанная туманом дорога, лес, крутой изгиб каменистого берега. Дом на поляне. Он, как наяву, чувствовал гладкость теплых досок под ногами. Олег знал, что совсем недавно дом ремонтировали и на веранде сделали теплый пол – новинку, которая не всем по карману, но в этом доме не привыкли экономить на комфорте. В большой семье было много курящих, и все хотели, чтобы было удобно и тепло выходить на веранду. Олег видел свои босые ноги и край голубых джинсов. Разве у него есть джинсы? Он видел костры и пляшущие вокруг них фигуры, непонятные знаки, начерченные на вытоптанной множеством ног земле. Бархатный, похожий на горячий шоколад голос спрашивал, зачем ему две почки. И смех, смех из ниоткуда. В этот момент Олег, как правило, просыпался и долго потом не мог заснуть. Бессонница в сочетании с постоянными навязчивыми мыслями привели к тому, что лечащий врач назначил Олегу консультацию психиатра.

«Мозгоправ», как ласково окрестил врача Олег, задавал много вопросов и сильно хмурил брови, затем попросил Олега пройти несколько стандартных тестов. Ответы врача скорее всего удовлетворили, потому что к концу встречи он весьма приободрился и выглядел почти веселым.

– Подобная симптоматика, – заключил он, – скорее всего вызвана сильным стрессом, а так же перегрузками организма, возникшими из-за значительного облучения....

– Доктор, это надолго? – перебил врача Олег

– Сложно сказать, молодой человек, – мозгоправ пожевал губами и продолжил, – У вас сильный организм, но в данном случае мы имеем дело не с его физической стороной, а, если позволите, с более тонкой материей. Мозг человека – субстанция весьма интересная и хранит в себе много загадок.

– Например? – заинтересовался Олег

– Например в вашей карте указано, что вы правша, а сейчас держите ручку в левой руке, – врач приподнял брови, выражая глазами удивление, – Науке известны случаи, когда после сильного стресса люди начинали говорить на языках, которых раньше не знали или производить в уме сложные вычисления, но почему это происходит пока нам не известно., – он поднялся и протянул Олегу руку – За сим позвольте откланяться. Не вижу у вас показаний для наблюдения у специалиста моего профиля.

Не проходило и дня, чтобы Олега навестила Людмила. Девушка находила повод заглянуть к нему даже не в свою рабочую смену. Она как могла старалась приободрить интересного пациента, замечала, что он значительно поправился, ведь вся одежда сидела впрытк, а обычно во время болезни люди худеют. Олег в ответ только улыбался. Ему очень льстило явное восхищение этой симпатичной ласковой девушки. Людмила была похожа на всех сказочных персонажей чохом. Тихая, милая, улыбчивая. Она заходила в палату Олега всегда как будто с опаской. Можно подумать, Олег мог ее выгнать. Иногда, возвращаясь в палату, он находил на тумбочке яблоко или свежий выпуск газеты. Небольшой городок не мог похвастать обилием новостей, а читать одно и то же, написанное разными словами было не интересно, но Олег читал, чтобы не сойти с ума от безделья и скуки. Мало-помалу он стал замечать, что ждет визитов молоденькой медсестры, которая развлекала его нехитрыми беседами. Было очень забавно поддразнивать её:

– Людмила, а давайте вы меня этим яблоком по голове настучите? – дурачился Олег, принимая угощение.

– Да ну вас, Олег Сергеевич! – краснела медсестра.

– А что? Кажись, как Ньютон, и соображу, чего-нибудь.

– Ой отстаньте вы со своим Ньютоном! Дурак! – и она мелкой рысью выбегала из палаты под тихий хохот молодого человека.

Забавная девчонка, думал про неё Олег, оставшись в одиночестве, не слишком сообразительная, зато добрая и веселая, симпатичная, и волосы красивые. Не нужно её обижать.

Глава 2.3.

Олег был бы очень удивлен, если бы смог понаблюдать за Людмилой в другое время. До приторности ласковая с пациентами-мужчинами девушка преображалась в других палатах.

– Ещё раз нагадаешь мне, сам вытирать будешь, – скомандовала она симпатичному чистенькому дедуле, поправлявшемуся после сложного перелома ноги. Тот в ответ закивал. Людмиле было противно смотреть, как мелко трясется дряблая кожа на старческой шее. Сморщенные руки, потемневшие от работы, сжимали газету. Вот мерзость!

Людмила с детства усвоила, что хорошего отношения заслуживают только те, кто сильнее, богаче и в случае чего может навредить, или те, кто может быть чем-то полезным. В медицину девушка пошла, потому что у врачей всегда хватало работы и, при хороших раскладах, можно рассчитывать на подношения от родственников больных. Школьная программа не слишком увлекала Людмилу, поэтому выбор пал на училище, после которого полагались льготы при поступлении, но и без высшего образования можно было устроиться тепло и вольготно. Так она и перетекала изо дня в день, поругивая пациентов и не слишком пока сложившуюся жизнь.

Складом натуры девушка была, безусловно, обязана родителям, воспитавшим дочь в соответствии с их собственными представлениями о том, что правильно, а что нет. Небольшой деревянный домик давно дышал на ладан. Отец Людмилы, вместо того, чтобы заниматься хозяйством с утра до вечера строил фантастические планы обогащения. Непонятно, откуда в простом деревенском мужике появилось столько пронырливости. Возможно он и преуспел бы, если бы в придачу обладал умом или житейской хитростью, но к сожалению, похвастать будущий барин мог только твердолобым упрямством и нахальством.

Словно желая добрать необходимые качества жену отец Людмилы выбрал совершенно не похожую на себя. Женщина могла годами дожидаться удобного случая получить кусок послаще или устроиться поудобнее. Она вела долгие подготовительные работы, завязывала нужные знакомства, не скупилась на неприкрытую лесть. С её подачи они развелись с мужем почти сразу после рождения дочери и вычеркнула его из свидетельства о рождении. Получив на руки необходимые бумаги, молодая мать обратилась в специальные органы и, как мать-одиночка, получила без очереди однокомнатную квартиру в городе, а также все другие полагающиеся льготы. Меж тем семья продолжала жить дружно, супруги по-своему любили и заботились друг о друге.

Для единственной дочери они готовы были расшибиться в лепешку. Людмила росла совершенно неуправляемой и капризной. Для неё добывались самые лучшие игрушки и наряды, в волосах переливались ленты одна краше другой. Деревенские дети с неохотой принимали маленькую Милу в свою компанию. Малыши любили подвижные игры. Они с утра до вечера гоняли по деревне в поисках клада, или разбившись на команды, устраивали грандиозные баталии, или метко кидали друг в друга мяч, играя в «Вышибалы». После таких развлечений дети становились похожи на земляных чертей, покрытые комьями налипшей грязи, мокрые, иногда со свежими синяками и ссадинами, они были совершенно счастливы. Но не Люда. Вскоре после первого попадания мяча в цель или падения, над улицей раздавался её звонкий возмущенный крик:

– Маааааа!

Девочка убегала домой жаловаться на жестоких сверстников, уронивших, обрызгавших или испачкавших её. Любящая мать, вместо того, чтобы объяснить ребенку правила игр, устраивала разборки с обидчиками. Она отлавливала самых неповоротливых и, вцепившись в нежное детское ухо, вела к родителям. Не удивительно, что после этого не находилось желающих брать Милу в игру. И Мила жаловалась, что с ней не хотят дружить, ожидая, что родители как всегда решат вопрос.

Эта вера в могущество сильного роста вместе с девочкой. В начальной школе она наущничала уже самостоятельно. Преподаватели умилялись нарядной доброу девочке, так наивно искавшей дружбы, и хвастались в учительской:

– Кузнецова-то, чисто котенок ласковый. Вы подумайте, пришла и новости мне про всех рассказывает, пока учебники подклеивали.

Пожилая учительница русского языка поджимала губы и пропускала восторги мимо ушей. Заслуженный педагог прекрасно видела, что Милая-Мила не так проста, как кажется. Эта дама пару раз пыталась поговорить с девочкой, но натолкнувшись на стену непонимания оставила попытки. Как и отец, Людмила была совершенно уверена в том, что всегда поступает правильно, а если от этого страдают другие, тем хуже для них. Она не была злой или жестокой, просто даже на секунду не мола представить, что можно думать о ком-то другом кроме себя.

Людмила любила, чтобы всё было «правильно». Она старательно училась и получала довольно неплохие отметки, восполняя недостаток способностей усидчивостью и аккуратностью. Ровные строчки цифр и букв в её тетрадях радовали глаз. Тем не менее вскоре девочка откровенно заскучала. Предметы сделались непонятными, требования учителей возросли, в дневнике захлопали лебедиными крыльями двойки. На семейном совете было принято решение не мучить ребенка, заставляя осваивать программу десятилетки, а забирать документы и поступать в медицинское училище.

О, эти новые лица! О, эти новые знакомства! Людмила была очарована открывшимися перспективами. Ей нравилось быть взрослой и серьезной. Девушка свысока смотрела на вчерашних сверстников и при встрече неизменно жаловалась на тяготы учебы, поглядывая из-под ресниц на реакцию слушателей.

– Людка, хорош выделяться, – смеялась над ней мать, – Нашла, чем хвастать.

Но тут же хвалила выбор дочери, объясняя где и как следует себя повести, чтобы создать положительное впечатление.

– Главное, ходи на занятия, – давала она ценные советы, – Пиши и спрашивай побольше. Узнай, кто чем дышит, кто что любит. Помогай как есть возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.